

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИЙ-
ФИТОНИМОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 45.05.01
Перевод и переводоведение
очной формы обучения, группы 06001321
Уртемаш Алины Андреевны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент
Дзенс Н.И.

Рецензент:
к.п.н., доцент кафедры
иностраннных языков БУКЭП
Тихонович Е.В.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ МОТИВА И МОТИВАЦИИ В РАБОТАХ ПО ТЕОРИИ НОМИНАЦИИ (В РАМКАХ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ СЛОВ).....	6
1.1. Трактовка мотивации в эпоху античности и средневековья.....	9
1.2. Трактовка мотивации и внутренней формы слова в рамках лингвистических концепций XIX – XX вв	14
1.3. Мотивология (основные положения теории мотивации).....	19
Выводы по главе 1.....	25
ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ФИТОНИМОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ МОТИВАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ.....	28
2.1. Классификация фитонимов по типу мотивационных признаков. («внутренняя» мотивация, внутренняя форма слова).....	29
2.2. Полиноминативность на основе многопризнаковости объекта номинации.....	38
2.3. Проблемы перевода номинаций тематической группы «фитонимы» с учётом их лингвокультурной специфики.....	42
Выводы по главе 2.....	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	51
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	54

ВВЕДЕНИЕ

В истории развития любой науки наблюдается постоянная смена научных парадигм (господствующего в ту или иную эпоху взгляда на объект исследования). Отличительной чертой лингвистики является преемственность идей: новая парадигма не отрицает достижений предыдущих, а, напротив, учитывает их и развивает их далее, предлагая новые подходы к исследованию своего объекта [Фурашова 2010: 116]. Одной из таких инноваций является теория мотивации (мотивология), обоснованная коллективом учёных Томского университета под руководством профессора О.И.Блиновой. Опираясь на труды ведущих специалистов в сфере теории номинации (В.В.Виноградова, В.Г.Гака, К.А.Левковской, В.В.Левицкого и нек.др.) [Блинова 2012: 137], О.И.Блинова обосновывает самостоятельный статус теории мотивологии и разрабатывает основные теоретические положения и понятийный аппарат данной науки [Блинова 1971, 2007, 2012].

Данная концепция нашла большое число сторонников, посвятивших свои статьи и диссертационные исследования различным аспектам мотивационного процесса на материале различных тематических групп, применительно к индоевропейским и другим, иноструктурным, языкам. Значительное внимание уделяется соотношению внешней и внутренней структуры языковых (номинативных) единиц, при этом уточняется статус понятия «внутренняя форма слова» (ВФС) в её отношении к мотивационным связям формы и содержания, структуры и семантики лексем-номинаций. В центре внимания оказываются антропоцентрический и когнитивный подходы.

Таким образом, проблема мотивированности / немотивированности языкового знака, дискутируемая с эпохи античности («теория фюсей» и «теория тесей»), вновь поднятая в семасиологии – в частности, в работах В. фон Гумбольдта (именно ему принадлежит термин «мотивация») – и

интенсивно исследуемая в рамках ономаσιологического подхода (теория номинации), получает новые импульсы и новые направления исследования этой «вечной» проблемы лингвистики, по-прежнему сохраняя свою актуальность и элемент новизны: исследования в русле теории мотивологии ориентируются на создание мотивационных словарей по определённым тематическим группам и отраслям (фитонимы, орнитонимы, топонимы и т.д.), рассматривая национальную специфику мотивационных отношений применительно как к одному языку, так и в плане сопоставления двух и более языков. Следует отметить, что основные положения теории мотивологии могут быть использованы при исследовании национальных лингвокультур и процессов перевода – особенно в плане учета соответствия/несоответствия не только денотативных значений (что чаще всего и учитывается при выявлении приёмов перевода), но и внутренних форм лингвокультурем сопоставляемых языков (в плане выявления приёмов лингвокультурной мотивации и её интерпретации посредством слова переводящего языка).

Объектом настоящего исследования является тематическая группа номинаций-фитонимов немецкого языка, **предметом** исследования – способы семантической мотивированности соответствующих лексем как единиц словообразовательного процесса (в опоре на терминологический аппарат теории мотивации).

Актуальность исследования обуславливается попыткой апробации новой теории на материале, ранее не исследовавшемся с применением терминологического аппарата и методики исследования мотивологии (теории мотивации).

Цель исследования: выявление семантических и структурных связей мотивирующего и мотивируемого слова как в процессе словотворчества, так и в процессе перевода с одного языка на другой.

Цель определяет и соответствующие **задачи** исследования:

- ознакомление с историей исследования мотивационных процессов, начиная с периодов античности и средневековья;
- ознакомление с теоретическими основаниями, терминологией (ключевыми понятиями) и методами исследования мотивологии (теории мотивации в концепции О.И. Блиновой).
- сбор эмпирического материала на основании словарей ботанических терминов и словарей «народной» и «профессиональной» номенклатуры;
- выявление основных мотивационных отношений в плане выявления семантических, структурных и смешанных (структурно-семантических) мотиваций лексем тематической группы «Фитонимы».

Методы исследования:

- метод лингвистического наблюдения
- метод фронтативного анализа
- метод контрастивного анализа
- лингвокультурологический подход.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ МОТИВА И МОТИВАЦИИ В РАБОТАХ ПО ТЕОРИИ НОМИНАЦИИ (В РАМКАХ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ СЛОВ)

Проблема номинации всегда была одной из центральных проблем теоретической лингвистики. Номинация представляет собой довольно сложное явление, понимание сущности которого предполагает исследование процесса отражения результатов познания человеком окружающего мира посредством внешней и внутренней структуры слова.

Номинация (от лат. *nominatio* - именование) – это образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, то есть служащих для вычленения и названия фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений (В.Н.Телия [ЛЭС, 1990: 336]). Этим термином обозначаются также и результат процесса номинации (значимая языковая единица), и раздел языкознания, изучающий структуру актов наименования (теория номинации).

Теория номинации как самостоятельная область лингвистики, занимающаяся исследованиями номинации и номинативной функции языка, возникла в 70-е годы XX века. Предметом теории номинации является описание общих закономерностей образования языковых номинативных единиц. Поскольку именование различных объектов действительности теснейшим образом связано с формами деятельности человека, предметом теории номинации является также и изучение результатов взаимодействия человеческого мышления, языка и действительности в процессах номинации. В центре внимания теории номинации оказывается не только анализ результатов номинации, но и анализ самого процесса номинации (Е.С.Кубрякова).

Таким образом, теория номинации как особая лингвистическая дисциплина изучает и описывает общие закономерности образования

языковых единиц, взаимодействие мышления, языка и действительности в этих процессах, роль человеческого (прагматического) фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации, исследование языковой техники номинации - ее актов, средств и способов, принципы построения типологии номинаций, коммуникативно-функциональные механизмы номинации и мн.др. (Там же).

Значения лексических единиц могут исследоваться в двух противоположных направлениях: от знака к значению и от значения к знаку. Эти аспекты семантики неразрывно связаны друг с другом как теория значения и теория обозначения. В соответствии с этим выделяются два раздела семантики: семасиология, в которой значение изучается в направлении от плана выражения к плану содержания, и ономасиология, где значение изучается в направлении от плана содержания к плану выражения, «от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлению и к их обозначению языковыми средствами (Е.С.Кубрякова [ЛЭС, 1990: 345]. Таким образом, ономасиологический подход как основа теории номинации за отправную точку исследования берет отношение «реалия (денотация) – смысл (сигнификат) имени – знак («тело знака»)). (В.Н.Телия [ЛЭС, 1990: 336]).

Впервые методологические принципы ономасиологического подхода были намечены в рамках концепции А. Цаунера: еще в 1903 г. он заявил о необходимости выделения нового типа анализа, а именно ономасиологического анализа, противопоставляемого им семасиологическому. В понимании автора ономасиологический анализ лексического состава языка означает рассмотрение номинативного акта от именуемой реалии к самой номинации, а не наоборот (как в семасиологии). Он сделал вывод о том, что ономасиологический подход к изучению номинации предполагает исследование языковых единиц с позиции «перевода внеязыкового содержания в конкретную языковую форму».

Ономасиология изучает все единицы языка с точки зрения осуществления ими номинативной, или репрезентативной, функции и, в

частности, занимается вопросами номинативной техники и способами формирования единиц номинации разного уровневого статуса, разной протяжённости и структуры, а также неодинаковых по способу представления действительности в знаках языка: например, мотивированные и немотивированные знаки, знаки с разной степенью расчленённости в подаче языкового содержания (Е.С.Кубрякова [ЛЭС, 1990: 345 - 346]).

В современном языкознании представлена и более узкая трактовка ономазиологии, понимаемой лишь как учение о процессах называния словом и лексической объективации понятий, и более широкая концепция ономазиологии как области исследования всей номинативной деятельности в языке, отражающей и объективирующей членение мира в ходе познания его объектов и связей.

Важной частью теоретического аппарата ономазиологии являются понятия ономазиологической категории и ономазиологической структуры номинативной единицы, разработанные полнее всего в словообразовании и позволяющие описывать акт номинации словообразовательного порядка как состоящий в подведении обозначаемого под определённую ономазиологическую категорию (предметности, процессуальности или признаковости и их разновидностей) и потому связанный прежде всего с оформлением ономазиологического базиса будущего наименования. Изучение словообразования позволяет поэтому сделать заключение о том, как членится нашим мышлением экстралингвистическая реальность, какими оказываются мотивы обозначения и какие ономазиологические категории получают отражение на словообразовательном, грамматическом или же лексическом уровнях.

Важным аспектом исследования номинации в фокусе ономазиологического подхода является не столько поиск форм объективации значения или смысла, сколько изучение принципов и способов построения этих языковых форм-знаков: номинация в ономазиологическом освещении понимается в качестве процесса обращения фактов действительности в достояние структурной системы языка, т.е. в языковые значения. Эти

языковые значения отражают в сознании носителей языка их социальный опыт. Таким образом, ономазиологическая номинация – это не просто условное обозначение посредством произвольного звуко-буквенного комплекса, а отображение образа объекта реальной действительности, существующего в языковом сознании членов конкретного этносоциума посредством лингвистического знака, которому присуща мотивированность. Сущность мотивации представляет собой мотивационные (смысловые, содержательные) отношения слов в процессе словообразования, реализующие один из видов системных связей в лексике – вид ассоциативной или эпидигматической связи.

1.1. Трактовка мотивации в эпоху античности и средневековья

Проблема мотивации восходит к работам философов античности и средневековья. Одним из наиболее дискуссионных вопросов была проблема взаимоотношения формы и содержания слова - каким образом даются имена объектам реальной действительности - «по природе» (теория *physei*) или «по соглашению» (теория *thesei*). Данной проблеме были посвящены диалоги Сократа, работы Платона и Аристотеля, трактаты средневековых «реалистов» и «номиналистов» (последователей теории *фюсей* и теории *тесей*).

Согласно теории *physei* считалось, что между словом и вещью имеется естественное подобие: слово является как бы тенью вещи, отражающей ее внутреннюю природу. Теория *thesei* исходила из положения о том, что имена вещам устанавливаются по соглашению между людьми и не имеют ничего общего с сущностью самой вещи. Обе эти теории в наиболее полной форме изложены в диалоге Платона «Кратил», рассматривающем вопрос об отношении вещи и её наименования. В диалоге Платон сталкивает позиции Кратила (сторонника правильности имён от природы) и Гермогена

(проповедующего договор и соглашение), привлекая в качестве судьи Сократа (устаами которого говорит сам Платон, высказывающий немало противоречивых суждений и не принимающий полностью ни одной точки зрения). Платон признаёт не прямые, а отдалённые связи слова с предметом и допускает возможность употребления имён по привычке и договору. Он открывает понятие внутренней формы (мотивировки) слова, разграничивая слова непроизводные (немотивированные) и производные (мотивированные). Ему принадлежит идея об ассоциации между отдельными звуками слова и качествами и свойствами вещей (идея звуко-символизма). [Сусов, 2006: 56-58]

Основоположником античной языковедческой традиции был другой виднейший мыслитель древности, Аристотель (387—322 до н.э.). Он обращается к проблемам языка главным образом в сочинениях о суждении, видах умозаключений, о проблемах словесных искусств. Аристотель защищает условную связь между вещью и её именем, а также между словом и представлением, которому соответствует слово, между звуками и буквами. Вместе с тем он предупреждает об опасности злоупотреблений словами, проистекающей из их многозначности (сюда включаются и омонимия, и полисемия). Он обращает внимание на явления паронимии и омонимии как видов связи между названиями. [Сусов, 2006: 56-58]

Для понимания средневековой теории имени весьма показательным отношением к имени собственному, которое в мифо-символической картине мира признается наиболее типичным, истинным именем. Не случайно диалог Платона «Кратил» начинается с рассмотрения имени собственного. Ортодоксальные средневековые авторы не усматривали в имени собственном ничего сверхъестественного, ничего оккультного. Имя может быть дано случайным человеком по случайному признаку, но тем не менее оно остается истинным именем, будет выполнять все свои функции, не отличаясь ни в чем от любого иного имени. Так, Григорий Нисский писал, ссылаясь на Библию, что имя «Моисей» было дано еврейскому пророку чужестранкою — дочерью фараона, когда она нашла его на берегу реки, ибо «Моисей», пояснял

Григорий, родственно слову «вода» на египетском языке. Вполне вероятно, что у мальчика было и другое имя, данное ему при рождении родителями, со словом «вода» никак не связанное, но случайно новое прижилось, попало и в Писание, его употребляют все люди, даже сам Бог, как сообщает Библия. Подобным же образом по случайному признаку получили имена другие пророки и патриархи, таковы же и многие топонимы, упоминаемые в Библии. Одним словом, это можно сказать обо всем видимом на небе и на земле, о морях и рыбах, о зверях и птицах, о звездах, странах, народах. Звезда и созвездия названы именами «эллинского баснословия». [Десницкая, 1980: 74]

Исследователи античных теорий именования отмечают, что в любой культурной традиции (китайской, индийской или греко-латинской) теория именования в принципе одна и та же как по своему назначению, так и по своим результатам, смысл ее везде однороден, но в средние века эта теория в разных ареалах диаметрально противоположна. Было бы ошибкой переносить на средневековую теорию номинации, как это иногда делается, выводы из довольно поверхностного и тенденциозного сопоставления первой и второй главы книги Бытия, данного протестантской теологией прошлого века и повторенного В. Томсеном. [Десницкая, 1980: 74-75]

«Место языка в мифологической картине мира определяется не наличием тех или иных повествований о языке, а той ролью, которая приписывается языку в системе мышления, создававшей мифы», — писал И. М. Тронский. При этом он отмечал два основных аспекта мифологического подхода к языку: имя вещи мыслится неразрывно связанным с самой вещью и признается ее неотъемлемой частью. [Десницкая, 1980: 75]

Средневековая теория номинации, во-первых, всегда ставила между именем и именуемым человека, именующего, во-вторых, строила иерархию «правильности» имен в обратном порядке к мифологической теории. Слова, которые нередко выделялись в других культурных регионах как наиболее значительные, — имена сверхчувственных существ здесь трактовались как

условные знаки в первую очередь, ибо, объясняли теологи, сверхчувственное вообще не имеет прямого и собственной наименования, не может быть адекватно познано через слово. Ведь слова сами по себе вообще относятся к конечному и временному, поэтому «сущности горнего мира безымянны в любом языке». Пределом неизменности является бог [Лосский, 2006: 280].

Если в мировоззрении, которое И. М. Тронский называет мифологическим, слово, имя принадлежит не только (и не столько) сознанию, но и бытию, является неотторжимой частью именуемого, его глубинной тайной, то для создателей христианской догматики оно есть знак или символ какой-то сущности, а не ее часть; оно — элемент вторичной системы, от которой существование самого именуемого не зависит, ибо для всех ясно, что «никакое имя само по себе не имеет существенной самостоятельности», но «всякое имя есть некоторый признак (ὑπόρισμα) и знак (σημ,δίων) какой-либо сущности и мысли, сам по себе и не существующий, и не мыслимый». [Десницкая, 1980: 78]

Однако было бы ошибочно полагать, что христианство вообще не знало мифологического подхода к имени, что никто из раннесредневековых мыслителей в период становления догматики не пытался развить широко распространенные в античном мире мифологические трактовки сущности и происхождения имени. Явственные следы их прослеживаются у гностиков и в некоторых направлениях арианства, а в официальной церкви — в «даре языков», глоссолалии. Против учения гностиков и ариан были написаны обширные трактаты, отношение их авторов к всевозможным формам языковой магии ясно видно уже из названий глав: «Нелепость доказательств, заимствуемых еретиками из чисел, букв, и слов». «Бог не исследуется буквами, слогами и числами». [Десницкая, 1980: 82]

Глоссолалия также просуществовала в официальной церкви недолго, никакого «теоретического» обоснования они не дали, бессмысленное экстатическое «языкоговорение» не очень одобрялось уже в ранней эпистолографии, в дальнейшем оно, широко использованное гностиками и

монтанистами, эволюционировало в сторону магии, по существу слилось с языческой мантикой, поэтому церковные писатели стали нередко трактовать глоссолалию как одержимость злым духом. Но на периферии, в многочисленных «еретических» течениях, она жила во все века, возвращаясь различными путями в церковь.

Важным положением средневековой гносеологии является то, что познание вещи или явления ни в коем случае не может быть адекватно заменено познанием соответствующего знака, что любой знак по самой своей природе имеет меньшую ценность, чем то, что он обозначает. «Я желаю, чтобы ты понял, что обозначаемые предметы должны быть ценимы более, нежели их знаки. Ибо все, что только существует ради другого, необходимо ниже, чем то, для чего оно существует». [Августин, 1998: 274] При этом были рассмотрены даже такие, казалось бы, парадоксальные случаи, как сравнение относительной ценности слова «грязь» и обозначаемого им вещества, и был сделан вывод, что и здесь, как всегда, первое следует признать вторичным, зависимым, а второе следует предпочесть, оно имеет большую ценность. [Десницкая, 1980: 84]

Из проведенного сравнения Августин делает такой вывод: «Ты ведь согласишься, что познание вещей дороже, чем их знаки. Поэтому познание вещей, обозначаемых знаками, надлежит предпочесть познанию знаков». [Августин, 1998: 288-289]

Всякий знак может быть интерпретирован другими знаками: всякое слово — знак, но не всякий знак — слово; языковые знаки по своей информативной силе превосходят все прочие знаки, ибо с их помощью можно объяснить значение всех остальных знаков, обозначить все предметы, все явления, все типы отношений, обратное же, т. е. интерпретация всех языковых знаков с помощью какой-то иной знаковой системы, невозможно. Указание пальцем на стену — знак, но на нее же указывает и слово (в данном случае вербальный и невербальный знаки взаимозаменяемы), а звук, запах, вкус, тяжесть, теплота и прочее, относящееся к остальным чувствам, хотя и

не ощущаемы без тел и потому сами телесны, пальцем указаны быть не могут, словом же могут. Одновременно была отмечена еще одна способность слов, отличающая их от неязыковых знаков: они используются как мета-знаки, способны обозначать не только что-то иное, но и самих себя.

1.2. Трактовка мотивации и внутренней формы слова в рамках лингвистических концепций XIX – XX вв.

В рамках теории номинации значительное место занимает проблема внутренней формы языкового знака. Основоположником данной теории является Вильгельм фон Гумбольдт, разграничивавший внешнюю и внутреннюю форму языка и показавший их диалектическую взаимосвязь: «действительная материя языка - это, с одной стороны, звук вообще, а с другой - совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка.» [Гумбольдт, 1985: 73].

Лингвистическая концепция Гумбольдта была реакцией на антиисторическую и механистическую концепцию языка XVII—XVIII вв. Она имела источником идеи И. Гердера о природе и происхождении языка, о взаимосвязи языка, мышления и “духа народа”, а также типологические классификации языков Фридриха и Августа Вильгельма Шлегелей.

Основные теоретические и методологические принципы концепции Гумбольдта заключаются в следующем:

- а) синтез онтологического и деятельностного подходы (язык как организм духа и как деятельность духа);
- б) диалектическое соотнесение противоположных начал (в форме антиномий);
- в) системно-целостный взгляд на язык;
- г) приоритет динамического, процессуально-генетического подхода над структурно-статическим;

- д) трактовка языка как порождающего себя организма;
- е) приоритет вневременного (панхронического или ахронического) взгляда на язык над историческим анализом изменения языка во времени;
- ж) приоритет изучения живой речи над описанием языкового организма;
- з) сочетание интереса к реальному разнообразию существующих языков и к языку как общему достоянию человечества;
- и) попытка представить в идеальном плане языки как ступени к совершенному образованию языка как такового;
- й) отказ от описания языка только изнутри его самого, вне связей с другими видами человеческой деятельности;
- к) сочетание философски отвлечённого взгляда на язык со скрупулёзно-научным его изучением [Сусов, 2006: 121-128].

По мнению Гумбольдта, существует определённая корреляция между внутренней и внешней формой языка, и многообразие внутренних форм определяет многообразие языков мира. Именно специфика внутренней формы выступает как предпосылка для формирования языковой картины мира, при этом этих картин столько, сколько существует языков.

Согласно Гумбольдту, «слово – не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь – главный источник многообразия выражения для одного и того же предмета...» [Гумбольдт, 1984: 103]. Соответственно, внутренняя форма – это осмысление слова речетворческим актом в конкретный момент его изобретения.

Продолжил и развил идею Гумбольдта А.А. Потебня в работе «Мысль и язык»: «Внутренняя форма слова – отношение содержания мысли к сознанию. Она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке могут быть много слов для обозначения одного и того же предмета и наоборот –

одно слово, совершенно согласно с требованиями языка, может обозначать предметы разнородные» [Потебня, 1999: 153].

Кроме того, согласно Потебне, внутренняя форма – ближайшее этимологическое значение слова, заключающее в себе только один признак: «В слове мы различаем: внешнюю форму, т.е. членораздельный звук, содержание (т.е. значение слова – субъективная в говорящем и слушающем), объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание с внутренней формой» [Потебня, 1999: 134].

В настоящее время в лингвистике пока не достигнуто единство взгляда на проблему взаимоотношений внутренней формы и этимологии лексических единиц. Одни исследователи сводят внутреннюю форму к мотивационному признаку, т.е. к первичному, этимологическому значению слова, другие же склонны разграничивать мотивационный признак как этимологическое значение слова и внутреннюю форму как весь комплекс представлений, оценок и эмоций, который формируется в течение столетий и отражает национальную специфику мировосприятия, ментальности этносоциума [Потебня 1999, 175]. Существует мнение, что «более логично не смешивать эти две категории, так как между внутренней формой и этимологией не существует непосредственной взаимосвязи» [Варина, 1976: 237]. Вместе с тем, многие исследователи (В.И.Абаев, В.В.Виноградов, О.Н.Трубачев, П.А.Флоренский, Г.Пауль и др.), напротив, отмечают взаимосвязь этимона (мотивации) с последующими, более поздними «наслоениями», более «прозрачными» и потому принимаемыми за внутреннюю форму слова, но на самом деле являющимися дальнейшим развитием этимона (мотивационной основы) как «первичной внутренней формы» слова, вследствие чего всякое предшествующее значение (образ) может быть названо внутренней формой последующего, а все значения слова в целом «цементируются или спаиваются ...непрерывной последовательностью или общностью внутренних форм» (В.В.Виноградов,

1975) [Фурашова, 2010: 119]. Таким образом, главное отличие между внутренней формой и «этимологией» (т.е. мотивационным признаком) состоит в том, что внутренняя форма слова (лингвокультурные, эмоционально-оценочные коннотации) имеют динамический характер, могут в процессе исторического развития культуры и языка модифицироваться, изменяться, обогащаться или обедняться, а мотивационный признак остаётся неизменным, лишь проявляясь с большей или меньшей степенью определённости в языковом сознании членов этносоциума либо исчезая совсем, затемняясь в сознании носителей языка (происходит демотивация, забвение этимона). [Фурашова, 2010: 120].

В рамках мотивологии (теории мотивации) как раздела лексикологии мотивированность слова рассматривается в сугубо синхроническом аспекте, с точки зрения словообразования – таким образом, лексическая мотивированность трактуется как деривационное соотношение между производным и производящим словами, в основе которых лежит некий общий (мотивировочный) признак, обуславливающий как внутреннюю (семантическую), так и внешнюю (морфологическую, морфемную) взаимосвязь исходной и производной лексем.

Внутренняя форма слова при этом трактуется как явление более высокого порядка и базируется на осознании рациональной связи звучания (формы) и значения слова, на осмыслении этой связи, т.е. мотивационного значения производного слова и его обусловленности (мотивированности) формой и значением производящей основы [Блинова, 1989: 68]: «система номинации слов – принцип (и признак) номинации, способ номинации, средство номинации, - находят свое воплощение во внутренней форме, аккумулирующей в себе мотивировочный и классификационный признаки обозначаемого и одновременно потенцию отношений лексической и структурной мотивированности слова»; внутренняя форма слова рассматривается в качестве компонента семантической структуры слова, элемента его значения [Блинова, 1989: 69].

Данный подход к трактовке понятий «мотивация» и «внутренняя форма слова» нашел большое число последователей, развивающих теоретические положения мотивологии, ср.: «Понятие внутренняя форма и мотивированность близкие, но не совпадающие. Мотивированность содержит указание на принадлежность базового слова или словосочетания и той или иной части речи к семантической группе. Оно работает на собственно словообразовательную характеристику слова. Понятие внутренней формы вскрывает характер (природу) наименования, которым является слово, оно работает на ономаσιологический аспект слова» [Ермакова, Земская, 1985: 518].

Таким образом, мотивированность в ономаσιологии – это результат процесса создания мотивированной формы наименования на основе мотивировочного признака, легшего в его основу; мотивированность в лексикологии – структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать обусловленность связи его звучания и значения на основе соотнесенности с языковой или неязыковой действительностью. Так, О. И. Блинова, вслед за А. И. Моисеевым замечает, что «слова, ясные в словообразовательном или этимологическом отношении, при прочих равных условиях (степень употребительности, характер предметной соотнесенности и пр.), легче воспринимаются и воспроизводятся, прочнее удерживаются в памяти, нежели слова, лишённые мотивации» [Моисеев, 1963: 60].

В языке наряду с мотивированными словами имеются немотивированные. Данный аспект также является предметом дискуссий: именно утверждение, что большая часть лексем современных языков являются немотивированными, послужили стимулом к исследованию фактора мотивированности применительно к синхронии, следствием чего является рождение теории мотивации (мотивология). Сторонники данной теории на материале русского языка выявили, что слов мотивированных значительно больше, чем слов немотивированных: так, К.А. Левковская, на положения которой опирались основоположники теории мотивации, пришла

к выводу, что непроеизводные исконно-русские слова (на преобладание которых ссылаются оппоненты теории мотивированности), нельзя считать полностью немотивированными, так как они входят в ряды производных однокоренных слов и, будучи органически связанными с ними, «получают как бы «вторичную» («обратную») мотивированность» [Левковская, 1962: 116-117].

1.3. Мотивология (основные положения теории мотивации)

Как новое научное направление лексикологии мотивология заявила о себе в начале XX века. Как было показано выше, её рождение было подготовлено дискуссиями относительно произвольности или обусловленности номинативных единиц, этимологической прозрачности номинаций или их деэтимологизации («завуалированности» этимона, т.е. первичной внутренней формы слова). Понятие мотивации (мотивированности) прошло сложный путь от «эйдосов» («идей имени», «образов имени») древнегреческого философа Платона (V в. до н.э.) и номинаций по принципу «фюсей» или «тесей» античных и средневековых философов к понятию «внутренней формы слова» В.фон Гумбольдта и А.А.Потебни (XIX в.) и, наконец, к понятию мотивированных / немотивированных знаков Ф. де Соссюра и его последователей, представителей функциональной лингвистики (прежде всего – Пражского лингвистического кружка).

В XIX-XX вв. вопрос мотивированности слов стал объектом рассмотрения ряда лексикологических дисциплин (этимологии, лексикологии, ономазиологии, топономастики, фразеологии) и синхронного словообразования, что нашло отражение особенно в работах 40-70-х гг. XX в. Т.Г. Аркадьевой, Л.А. Булаховского, В.Г. Гака, Т.В. Гамкрелидзе, М.М. Гинатулина, В.В. Левицкого, К.А. Левковской, А.А. Леонтьева, В.В.

Лопатина, С.С. Масловой-Лашанской, И.С. Торопцева, и многих других, выполненных на материале различных языков мира, в том числе славянских.

В исторической лексикологии получили освещение лексические процессы обретения и утраты словом мотивированности («народная этимология», деэтимологизация), в ономазиологии и синхронном словообразовании мотивированность стала одним из ключевых научных понятий.

Три главных понятия традиционной лингвистики (внутренняя форма слова, мотивированность, мотивационные отношения) были восприняты коллективом исследователей под руководством профессора Томского университета О.И.Блиновой и сыграли основополагающую роль в теории мотивации (мотивологии) [Блинова, 2010: 5-6].

В 70-е гг. XX в. было дано первое систематизированное представление мотивологии как науки об одном из ранее не изучавшихся лексических явлений - явлении мотивации слов в докторской диссертации О.И. Блиновой «Проблемы диалектной лексикологии», где оно рассмотрено наряду с другими лексическими явлениями - явлением формального варьирования слова и явлением синонимии - и где определены в лексикологическом ключе исходные понятия мотивологии, проанализированы лексические процессы, обслуживающие тенденции к мотивированности и произвольности языкового знака, обращено внимание на функции внутренней формы слова [Блинова, 1974: 78] .

До возникновения мотивологии в различных областях лингвистического знания существовали разрозненно такие научные понятия, как «внутренняя форма слова», «народная этимология», «деэтимологизация», «ассоциативные (деривационные, мотивационные) отношения слов», «мотивированный/немотивированный знак», «мотивированность/немотивированность знака», «тенденция к мотивированности/произвольности знака» и некоторые другие, используемые в работах по общему языкознанию, этимологии, словообразованию. Своеобразной

«стартовой площадкой» мотивологии, ее «началом начал» является взгляд на слово не только как компонент лексической системы языка, но и как компонент метаязыкового сознания человека, говорящего коллектива: «...Слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность <...> Оно зарегистрировано в моем сознании со всеми контекстами, в которых я его употребляю, со всеми сочетаниями, ему свойственными» [Вандриес, 1971: 171].

Термин «мотивология» и идея выделения мотивологии в качестве самостоятельной научной дисциплины были впервые предложены М.М. Гинатулиным в его сопоставительно-ономасиологическом исследовании наименований птиц в русском, казахском и английском языках [Гинатулин, 1973: 14]. Свое название мотивология получила от используемых автором терминов «мотив» (номинационный признак), «мотивема» (принцип номинации), «мотивация» (мотивировочный признак слова в момент его наименования) и «мотивированность» (признак слова, сохраняющего «мотивацию»).

М.М. Гинатулиным было дано следующее определение мотивологии: «Мотивология - раздел лексикологии, задачей которого является изучение связей между словами и вещами в момент их наименования, а также состояние и степень мотивированности на определенном этапе развития языка» [Гинатулин, 1973: 12].

В 70-е гг. XX в. появляется серия публикаций О.И. Блиновой, положивших начало разработке теории мотивологии как лексикологической дисциплины семасиологического направления, с его синхронным подходом. В работах этого периода был определен предмет мотивологии - явление мотивации слов как явление лексико-семантического уровня языка - и предложен разноаспектный его анализ: онтологический, методологический, функциональный, динамический, лексикографический. Научные понятия, явления, процессы, изучавшиеся в рамках различных лингвистических

дисциплин - общего языкознания, этимологии, ономазиологии, семасиологии, синхронного словообразования, стилистики художественной речи, - были осмыслены с позиций мотивологии и приведены в систему.

Объект исследования мотивологии - лексика языка. Предмет исследования - лексико-семантическое явление мотивации слов, сущность которого составляют мотивационные отношения лексических единиц, охватывающие мотивированные и немотивированные слова языка. [Блинова, 2010: 11-12]

Содержание и структуру явления мотивации, как и любого другого лексического явления, составляют:

а) набор (корпус) лексических единиц, вступающих в мотивационные отношения (мотивационные пары, цепочки, блоки);

б) место в словарном составе языка лексических единиц, характеризующихся свойством мотивированности (мотивированные и полумотивированные слова);

в) виды лексических единиц, обладающих мотивированностью,

г) функции лексических единиц, их внутренней формы, а также мотивационно связанных слов;

д) тенденции и лексические процессы, связанные с мотивированностью слова;

е) источники, питающие явление мотивации слов;

ж) связь явления мотивации с другими лексическими явлениями.

Явление мотивации слов с учетом вышеназванных составляющих принадлежит к числу ведущих лексических явлений языка. [Блинова, 2010: 11-12]

По количественному охвату лексических единиц, обладающих свойством мотивированности и, следовательно, вступающих в мотивационные отношения, оно имеет всеобщий характер.

Явление мотивации слов непосредственно связано возникновением двух разнонаправленных тенденций языка - тенденции к мотивированности и

произвольности языкового знака, находящих свое выражение в нескольких лексических процессах:

- лексической и структурной ремотивации, неомотивации номинации, реализующих действие тенденции к мотивированности языкового знака, что приводит к увеличению количества мотивированных слов языка;

- демотивации, лексикализации внутренней формы слова, идиомотивации – лишь иллюстрируют тенденцию к производности языкового знака, являя собой результат действия других процессов, (заимствования), реализующих противоположную опцию, что уменьшает число мотивированных лексических единиц [Блинова, 2005: 37].

На основе лексикологического подхода к слову как единице лексико-семантической системы языка, а также принципов антропоцентризма, синхронности, системности, интегративности, функционализма была предложена такая интерпретация ранее существовавших понятий, которая позволила им обрести подобающее место в рамках мотивологии в качестве органично связанных компонентов единой системы терминов.

Остановимся на характеристике основополагающих терминов в трактовке основателей теории мотивации (мотивологии):

- **Мотивированность** – это свойство слова как элемента лексической (а не словообразовательной) системы, обусловленное соотношением слова с мотивирующими его лексическими (не производящими) в данный период единицами языка, независимо от его номинационной, словообразовательной и этимологической истории, которая устанавливается исследователем, а не рядовым носителем языка.

- **Мотивация** - центральное понятие синхронного словообразования, поскольку основным предметом изучения в синхронном словообразовании являются мотивированные слова.

- **Внутренняя форма слова** - морфосемантическая структура слова, выражающая его мотивированность [Блинова, 2010: 8-9]; это признак, который составляет основу наименования. В основу наименования слова

кукушка положен признак характерного крика, хотя кукушка может быть охарактеризована с разных сторон – размера, цвета, формы. Разная внутренняя форма может обнаруживаться у слов, именующих один и тот же предмет. Так, в русском литературном языке и в диалектах для обозначения одуванчика есть слова одуванчик, пухлянка, летучка, молочник. Все четыре слова имеют одну понятийную основу, однако внутренняя форма, мотивирующая каждое название, оказывается неодинаковой. В первом случае мотивирующим признаком является действие "дуть" во-втором -- признак формы, в третьем слове название опирается на мотивирующий признак «то, что может летать», и в четвертом слове внутренняя форма указывает на сходство сока этого растения с молоком. [Зенков, 1998: 54]

- **Мотивационное значение** - значение, выявляемое путем сопоставления лексического значения производящего слова и конкретной тематической отнесенности словообразовательного форманта (ср. голу-бика - ягода голубого цвета). Мотивационное значение слова является предельно конкретизированной разновидностью описания словообразовательного значения, осуществляемого в опоре внутреннюю форму производного слова.. [Кривенко, 2015:5]

- **Мотивационные отношения слов** – это лексико-семантические отношения, при актуализации которых осознается мотивированность слов на основе общности, сходства звучания и значения лексических единиц, соотносимых носителями языка. При этом актуализация мотивационных отношений слов высвечивает не только мотивировочный признак (ШИПовник <- ШИПы «кустарник с шипами»), но и классификационный признак (шипОВНИК <- крыжОВНИК, тернОВНИК - названия кустарников). [Блинова, 2010: 8-9].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Проблема мотивированности волновала умы ученых еще в античные времена. Выдвинутые теории относительно проблемы взаимоотношения формы и содержания слова (причина, по каким критериям получают свои имена объекты реальной действительности) - фюсей (по природе) и тесей (по соглашению) - противопоставляясь друг другу, давали повод для размышлений и споров не только античным мыслителям, но и представителям эпохи средневековья (Аврелий Августин, Фома Аквинский).

Средневековые авторы считали, что имя может быть дано случайным человеком по случайному признаку, но, тем не менее, оно остается истинным именем, будет выполнять все свои функции, не отличаясь ни в чем от любого иного имени. Средневековая теория номинации, во-первых, всегда ставила между именем и именуемым человека, именующего, во-вторых, строила иерархию «правильности» имен в обратном порядке к мифологической теории. Слова, которые нередко выделялись в других культурных регионах как наиболее значительные, трактовались как условные знаки в первую очередь, ибо, объясняли теологи, сверхчувственное вообще не имеет прямого и собственной наименования, не может быть адекватно познано через слово. Важным положением средневековой гносеологии является то, что познание вещи или явления ни в коем случае не может быть адекватно заменено познанием соответствующего знака, что любой знак по самой своей природе, безусловно, имеет меньшую ценность, чем то, что он обозначает.

В рамках теории номинации проблема внутренней формы языкового знака, рассматриваемая Вильгельмом фон Гумбольдтом, разграничивает внешнюю и внутреннюю форму языка и показывает их диалектическую взаимосвязь.

По мнению Гумбольдта, существует определённая корреляция между внутренней и внешней формой языка, и многообразие внутренних форм определяет многообразие языков мира. Именно специфика внутренней

формы выступает как предпосылка для формирования языковой картины мира, при этом этих картин столько, сколько существует языков.

Согласно Гумбольдту, слово – не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Соответственно, внутренняя форма – это осмысление слова речетворческим актом в конкретный момент его изобретения.

Продолжил и развил идею Гумбольдта А.А. Потебня в работе «Мысль и язык». Он полагал, что внутренняя форма слова – это отношение содержания мысли к сознанию. Она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке могут быть много слов для обозначения одного и того же предмета и наоборот – одно слово, совершенно согласно с требованиями языка может обозначать предметы разнородные.

О.И. Блинова считала, что понятие внутренняя форма слова (наряду с понятием мотивированности и мотивационного значения) базируется на осознании рациональной связи звучания и значения слова, на осмыслении этой связи. Таким образом, система номинации слов находит свое воплощение во внутренней форме, аккумулирующей в себе мотивировочный и классификационный признаки обозначаемого и одновременно потенцию отношений лексической и структурной мотивированности слова, т. е. рассматривает внутреннюю форму в качестве компонента семантической структуры слова, элемента его значения. Внутренняя форма входит в значение, мотивирует его. Соответственно, понятия внутренняя форма и мотивированность близки, но не совпадают.

Своеобразной «стартовой площадкой» мотивологии, ее «началом начал» является взгляд на слово не только как компонент лексической системы языка, но и как компонент метаязыкового сознания человека, говорящего коллектива. Антропоцентрический подход к слову, связанный с восприятием его человеком, носителем языка, высветил еще одно,

важнейшее свойство слова на основе осознания носителем языка взаимообусловленности звучания и значения лексической единицы - ее мотивированность. Как следствие антропоцентрического подхода к слову вкпе с системным и синхронным термин «мотивированность», один из центральных терминов мотивологии, получил интерпретацию свойства слова как элемента лексической (а не словообразовательной) системы, свойства, обусловленного соотношением слова с мотивирующими его лексическими (не производящими) в данный период единицами языка, независимо от его номинативной, словообразовательной и этимологической истории, которая устанавливается исследователем, а не рядовым носителем языка.

ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ФИТОНИМОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ МОТИВАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ

Фитонимы — (греч. *phytonim* «растение», *онума* «имя, название») определяются как единицы народной ботанической номенклатуры и противопоставлены фитотерминам — научным обозначениям растений. Фитонимы указывают на целый класс растений, которые обладают определенными характеристиками. Чтобы понять, какие примечательные особенности растения послужили причиной возникновения фитонима (установить его мотивацию), приходится обращаться к еще одной науке — ботанике. Она предоставляет информацию о характеристиках растений, которые стали мотивами для появления их названий, — об их строении, цвете, форме, местах произрастания и т. д. В первую очередь, это связано с тем, что в разных регионах (и, возможно, в различные периоды) то или иное растение привлекает внимание различными признаками, определёнными сторонами своей морфологии (структуры) либо прагматическими характеристиками (функциями, сферами применения в быту), географией произрастания и т.п.

На данный момент нет однозначного определения лингвистического статуса названий растений. Некоторые исследователи относят их к терминам (Меркулова 1961, 1965; Боброва 1976; Борисова 1989; Итунина 1999), другие - к номенклатуре (Закаревская 1970; Иванов 1985), третьи, определяя названия растений как номенклатуру, выделяют ряд терминологических свойств фитонимов, а именно: четкую соотнесенность с денотатом, точность лексического значения, наличие обобщающего (родового) слова в предметной подгруппе. Следует отметить, что указанные свойства присущи большей части лексико-семантических групп конкретной лексики.

2.1. Классификация фитонимов по типу мотивационных признаков («внутренняя» мотивация, внутренняя форма слова)

Ф. де Соссюр, заложивший основы учения о мотивированности языкового знака, различает два типа мотивированности: а) внешнюю мотивированность (деривационные отношения производящей и производной основ); б) внутреннюю мотивированность (учёт этимологического значения слова, мотивационных отношений между означаемым и означающим). В настоящее время они трактуются как эксплицитная (деривационная) и имплицитная (семантическая) мотивированность. Относительно имплицитной мотивированности (или внутренней формы) номинации среди исследователей нет единства: одни под мотивом и внутренней формой слова понимают исходное, т.е. историческое, этимологическое значение (Ю.С.Степанов, И.Г.Ольшанский, А.Е.Гусева и др.), другие же – «прозрачное» значение с позиций синхронии, современного языка (В.Г.Варина, О.Ю.Гаврилова), третьи – и тот, и другой факторы, т.е. «концептуальную внутреннюю форму» (Е.Г.Беляевская). Мы придерживаемся третьей точки зрения: лишь синхронно-диахронный подход обеспечивает создание полного представления о внутреннем образе того или иного растения в лингвокультурной картине мира соответствующего этносоциума.

Система мотивационных признаков фитонимов отражает отношение социума или его социально-ролевых групп к тому или иному виду растения, с которым человек встречается в процессе своей предметной деятельности.

Следует отметить, что состав тематической группы фитонимов нередко обнаруживает значительные черты национальной специфичности в сравнении с тематической группой русского языка.

Рассмотрим мотивационные признаки, послужившие основанием для создания номинаций-фитонимов. Назовем основные мотивы, зафиксированные в нашей выборке эмпирического материала:

1. Форма листа. Листья растения часто привлекают внимание своей формой, характером поверхности (гладкая, шероховатая, ворсистая), вызывающей у представителей того или иного общества определенные эмоциональные или образные ассоциации:

- *Hasenohr* (рус. мелисса) – «заячье ухо». В основе данной номинации лежит внешняя ассоциация удлиненного и заостренного кверху листа с заячьим ухом. При этом следует отметить, что в русском названии растения подобная ассоциация не прослеживается.

- *Dreiblatt* (рус. клевер) – он же *Klee*. «Трехлистник» - это народное название клевера, применяемое, однако, для обозначение и других растений, имеющих схожую форму листа (например, донник, вахта трехлистная). В данном случае имеет место явление олигонимии.

- *Frauenmantel* (рус. манжетка, альхемилля, росчатник) – одно из многих названий растения. Листья растения в разных регионах напоминали манжеты на рукавах, сравнивали с гусиными и львиными лапами (*Gänse- und Löwenfüßen*). По их местонахождению на пастбищах они также называются *Schweinsrose* и *Gänsegrün*.

2. Форма стебля и побегов. В зависимости от направления роста, силы стебля и его особенностей различают прямостоячие, лежачие, ползучие, выющиеся, цепляющиеся, лазающие побеги, что нередко вызывает образные ассоциации на основе метафоры:

- *Schlangengras* (рус. плаун булавовидный) – он же *Löwenfuß* и *Wolfsklauen*. Тонкие вечнозеленые травянистые побеги венчают плотные колоски, внешне напоминающие и змею, и волчью лапу. Что примечательно, происхождение латинского наименования рода плаунов также связано с немецким словом «волчья лапа». В XVI веке слово перевели на латынь, получилось в результате *Licopodium*. Разные народы именуют плаун «ликоподием» и «дерезой».

- *Spanisches Rohr* (рус. арундо тростниковый, тростник гигантский) оно же *Pfahlrohr*, *Riesenschilf*, *Schreibrohr* (mittelhochdeutsch). Обладает прямым,

пологим внутри стеблем. В Древнем Риме из стеблей арундо тростникового получали стилусы для письма. В наши дни из них изготавливают трости для таких музыкальных инструментов, как волынки, гобои, кларнеты, фаготы и саксофоны.

3. Характер цветка или соцветий. Соцветие - часть системы побегов покрытосеменного растения, несущая цветки и, в связи с этим, разнообразно видоизменённая. Соцветия подразделяют также по наличию и характеру прицветников, по степени разветвления, по направлению раскрытия цветков и пр.

- *Maiglöckchen* (рус. ландыш) – «майский колокольчик», получил название благодаря своим цветкам, распускающимся в виде миниатюрных колокольчиков. Стоит также отметить, что русская номинация цветка обладает другим мотивационным признаком - одни ученые считают, что оно пришло из польского языка, в котором цветок называется «lanuszka» из-за сходства его вытянутых листьев с заостренной вершинкой с ушками пугливой лани, другие связывают происхождение его названия, составленного из двух слов, «ладан» и «дышать», с великолепным запахом его ароматных цветов. [<https://nashzeleniymir.ru/%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%8B%D1%88>]

- (*Blauer*) *Eisenhut* (рус. борец, аконит) – он же *Karpenblume*, *Mönchskappe*, *Helmgiftkraut*, *Fischerkip*, своей формой цветок походит на рыцарский шлем с опущенным забралом.

- *Schafgarbe* (рус. тысячелистник обыкновенный) - мелкие белые или розовые цветки растения собраны в небольшие соцветия — корзинки, пучки. Из-за сильного запаха его поедает крупный рогатый скот. Лучше всего её поедают овцы. [https://studopedia.su/15_180565_toloknyanka-obiknovennaya.html]

- *Windröschen* (рус. анемона, ветреница) – она же *Anemone*. Уже при малых порывах ветра хрупкие лепестки его цветов начинают трепетать, а цветки раскачиваться на длинных цветоносах. Легенды о происхождении

цветка немного разнятся. Из общего у легенд то, что цветок возник благодаря прекрасному юноше Адонису, возлюбленному в Афродиту. Адонис умирает в юности во время охоты. Дальше версии разнятся. По одной из них, из крови Адониса возникают розы, а из слез Афродиты – анемона. Согласно другой версии, по воле Афродиты Адонис был возвращен из царства мертвых и превратился в анемону.

4. Форма и структура корня. Немногие растения получили свои названия благодаря своим корням. Назовем некоторые примеры таких растений:

- *Feigwurz* (рус. чистяк весенний, лютик весенний, жабник) оно же *Scharbockskraut*, *Frühlings-Scharbockskraut*. Кроме обыкновенных корней, образующих пучки, это растение производит из углов своих листьев мясистые продолговатые шишки. Верхушка такой шишки состоит из почки, а главная нижняя часть есть корень. Шишки эти легко отпадают и, прорастая, дают начало новым растениям.

- *Hirschwurzel* (рус. левзея сафлоровидная, маралий корень) – оно же *Saflor-Bergscharte*, *Maralwurzel*, *Maralpflanze*. В Сибири растение известно под названием «маралова трава», а корень — под названием «маралий корень». Это связано с тем, что олени-маралы лечатся этим корнем.

5. Внешний вид плода (семени).

- *Ringelblume* (рус. календула) – округлая форма цветков и корзинок с семенами напоминает кольцо, крендель. При этом у календулы в немецком языке имеется еще одно наименование, основанное уже, однако, на одористическом мотивационном признаке – *Totenblume*, поскольку ее аромат, как некоторые полагают, напоминает запах трупного гниения.

- *Hirtentäschel* (рус. пастушья сумка) – плоды данного травянистого растения напоминают полотняную сумку пастуха. В некоторых регионах Германии данное растение называют также *Geldbeutel* (кошелек) и *Kochlöffel* (половник, поварежка).

б. Ассоциации. Замечая новое растение, человек нередко проводил ассоциативный образ с другими растениями или представителями животного мира.

- *Pusteblume* (рус. одуванчик) – легкий, «воздушный» шар с опушёнными семенами белого цвета (семянки с белыми хохолками), разлетающимися повсюду от малейшего дуновения. Для терминологического обозначения одуванчика в немецком языке используется название *Löwenzahn* (перевод интернациональной латинизированной формы термина).

- *Frauenhaarfarn* (рус. адиантум, венерин волос) – он же *Venushaar*. Этот вид папоротника обязан своим названием тонким, блестящим черешкам, которые принято ассоциировать с женскими локонами, ажурная листва напоминает кудри. Согласно одной из легенд, в том месте, где с высокого утеса сорвалась прекрасная девушка, появился чистейший источник, а ее восхитительные волосы превратились в папоротник. Другая легенда гласит, что на том месте, где Венера обронила свой волос, выросло такое прекрасное растение, которое сейчас именуется адиантум.

- *Froschlöffel* (частуха, алисма, водяной шильник, водяной подорожник) – свое необычное название в немецком языке растение получило за счёт того, что лягушки выбирают для нереста места, возле которых оно прорастает.

- *Stiefmütterchen* (рус. анютины глазки) – милый цветок с пятью лепестками. В Германии его название интерпретируют следующим образом: пять красочных лепестков переносятся пятью чашелистиками. Самый низкий, большой и сильно окрашенный цветок короны лист сидит на двух чашелистиках - это мачеха. Слева и справа от нее сидят две ее яркие дочери. Два верхних, обычно просто фиолетовых цветных лепестка, представляют двух падчериц. Они должны довольствоваться чашелистиком вместе. В русском языке название цветка объясняется легендой о прекрасной девушке Анюте, была она влюблена в юношу, но их разлучили. Родители юноши женили его на богатой девушке. В день свадьбы возлюбленного, Анюта

умерла от горя и сильной любви. И в память о крепкой любви расцвели по всей земле удивительно красивые цветы, похожие на глаза Анюты.

7. Одористический признак. Еще с давних времен многие поэты воспевали благоухание прекрасных цветов. И, несомненно, запах цветка играл немаловажную роль и в номинации растений.

- *Gummibärchen-Blume* (рус. гелениум ароматный) – гелениум обладает сильным сладким запахом, который усиливается при прикосновении к растению. В Германии, как можно судить по номинации данного растения, этот запах ассоциируется с мармеладными мишками.

- *Schokoladen-Kosmee* (рус. шоколадная космея) – удивительный красивый коричневый или красно-коричневый цветок из Латинской Америки с ароматом шоколада.

8. Темпоральный признак (период роста, цветения).

- *Bärenlauch* (черемша, медвежий лук) - черемша является одним из самых ранних источников витаминов в лесу (её собирают в апреле — мае), проснувшийся после зимней спячки медведь лакомится травой и быстро восстанавливает свои силы.

- *Sommer-Phlox* (рус. флокс Друммонда) – он же *Einjährige Phlox*. Однолетнее растение, чье цветение длится практически все лето. В русском языке растение получило название в честь шотландского ботаника Томаса Друммонда, который привез этот вид флокса в Великобританию.

9. Функциональные характеристики растений (в кулинарии, фармакологии, народной медицине). Еще с древнейших времен человек использовал различные растения для пропитания и для лечения, применяемые повсеместно и по сей день.

- *Suppenlauch* (рус. лук-скорода, лук-резанец) – данное растение обладает резким, стойким запахом. Широко применяется в кулинарии, являясь прекрасной добавкой ко многим блюдам.

- *Hexenkraut* (рус. зверобой), он же *Teufelflucht*. В древности большинство проблем и болезней приписывали «темным силам», ведьмам,

чертям и прочей нечисти, от которых предполагалось спастись звербоем. В современное время используется как седативное средство.

- *Schleimwurzel* (рус. алтей лекарственный) - настой корня растения представляет собой слизистую жидкость, поэтому алтей принято называть «слизь», «слизь великая».

- *Gauchheil* (рус. очный цвет, анагаллис) – ранее растение применялось для лечения психических заболеваний, отчего и получило данное название в немецком языке (нем. Gauch – простофиля, дурак).

10. Локальный признак. К данному признаку относятся место произрастания и территория распространения вида растения.

- *Wegetreu* (рус. подорожник) – он же *Wegerich*, *Wegetritt*, *Wegeblatt*. Обычно произрастает на обочине дорог.

- *Heidekraut* (рус. вереск) – он же *Besenheide*. Растёт в сосновых лесах, на гарях, торфяных болотах. Вереск, вместе с некоторыми видами из рода Эрика (*Erica*), образует специфические растительные сообщества — большие заросли, называемые вересковыми пустошами, или верещатниками.

- *Dünen-Trichternarzisse* (рус. панкраций морской) - редкое растение, находящееся под угрозой исчезновения, занесено в Красную книгу. Свое название цветок получил по месту произрастания – у морских побережий. В Библии упоминалось как «Роза Шарона», что нашло отражение в англоязычных названиях растения - *Sea-daffodil* (морской нарцисс) и *Lily of St. Nicholas* (лилия святого Николая).

11. Характер почвы в ареале произрастания растения. Разные виды растений предпочитают определенные условия для произрастания, и почва в этом плане играет одну из наиважнейших ролей.

- *Sandblume* (рус. мать-и-мачеха) – часто произрастает на песочных насыпях и глинисто-меловых почвах. Данное растение носит еще несколько различных номинаций (*Rosshuf*, *Eselstlattich*, *Brustlattich*, *Zeitrose*, *Tabakkraut*, *Pferdehuf* и другие), основанных на разных мотивационных признаках.

12. **Легенды и мифы, лежащие в основе номинации.** В большинстве случаев это народные названия растений, являющиеся результатом народной выдумки. Некоторые названия не лишены юмора, указывают на определенный дар наблюдения. Другие наименования говорят о людской изобретательности и находчивости. Подобными примерами могут послужить такие растения, как:

- *Narzisse* (рус. нарцисс) – согласно греческой легенде, прекрасный юноша Нарцисс увидел свое отражение в реке и влюбился в него настолько, что не мог больше с ним расстаться. Так и умер он от голода у реки. Когда же нимфы пришли забрать его тело, на том месте, где оно должно было быть, вырос красивый цветок нарцисс.

- *Pfefferminze* (рус. перечная мята) – данное растение с давних пор носит звание «чудодейственного», драгоценного растения. В древнегреческой мифологии говорится о том, что бог Плутон влюбился в нимфу по имени Минта (Мента). Ревнивая жена Плутона Персефона превратила любовницу супруга в растение – мяту (лат. *mentha* - мята).

- *Frühlings-Adonisröschen* (рус. Адонис весенний, горицвет, черногорка, заячий мак) – он же *Frühlings-Adonis*. Данное многолетнее травянистое растение обладает крупными желтыми цветками. Родовое название растению дано в честь прекрасного юноши Адониса, о котором рассказывает древнегреческая легенда. Богиня Афродита, рассердившись на дочь царя Кипра за то, что та недостаточно почитала ее, внушила ей страсть к собственному отцу. Царь Кинир вступает в преступную связь, не подозревая, что имеет дело с собственной дочерью, а узнав, проклинает ее. Боги, сжалившись над нею, прекращают несчастную в мировое дерево. Спустя время из треснувшего ствола этого дерева рождается ребенок удивительной красоты. Богиня любви Афродита передает младенца в ларце на воспитание Персефоне, царице подземного царства. Вырастив Адониса, Персефона не пожелала с ним расстаться. Спор богинь разрешил Зевс, предназначив Адонису часть года проводить в царстве мертвых у Персефоны, а часть года

на земле у Афродиты, спутником и возлюбленным которой он становится. Никто не был прекраснее его, и богиня все время проводила с юным Адонисом. Вместе они охотились в горах и лесах Кипра. Однажды в отсутствие Афродиты собаки Адониса напали на след громадного кабана. Это Артемида, разгневанная тем, что ей предпочли богиню любви, насылает на юношу свирепого зверя. По другим преданиям, в свирепого вепря превратился ревнивый Арес, муж Афродиты. Разъяренный кабан напал на юношу и смертельно ранил громадными острыми клыками. От страшной раны Адонис и погиб. Убитая горем Афродита сама отправилась в горы разыскивать тело возлюбленного. Богиня нашла тело Адониса, оплакала его, и с ней горевала вся природа. В память о своей любви вырастила она из крови Адониса прекрасный цветок, который распускается каждую весну. Громовержец Зевс сжалился над горем богини любви и велел он брату своему Аиду отпустить Адониса на полгода из царства мертвых на землю к солнцу. С первыми весенними лучами солнца приходит Адонис на землю, и вся природа оживает, в степи и на опушках леса распускается золотисто-желтый цветок, названный его именем. [<http://botsad.ru/menu/mir-rastanii/lekarstvennye-rasteniya/skazaniya-o-lekarstvennyh-rastenyah/goricvet-vesennij-adonis-adonis-vernalis/>]

- *Engelwurz* (рус. дудник, дягиль). Родовое научное название – *Angelica*. Происходит от латинского слова *angelus* («ангел», «божий вестник»): на лекарственные свойства растения, по преданию, указал ангел.

Как показывает данная подборка примеров, в этно-лингво-культурном аспекте для многих фитонимов характерно наличие переводческих эквивалентов, обладающих в сопоставляемых лингвокультурах общностью денотативного значения, но основанных на различных мотивационных признаках (и соответственно, различающихся своими внутренними формами), что в определённой степени иллюстрирует мысль В.Гумбольдта о том, что понимание есть вместе с тем и непонимание. Соответственно, реакции и эмоции реципиентов, носителей различных лингвокультур, могут

быть различными, поскольку коннотативные (лингвокультурные) семы довольно часто обнаруживают различия внешней и внутренней мотивированности в сопоставляемых языках. Соответственно, мы не всегда передаем дух народа, его отношение к предмету, роль слова в контексте художественного произведения при переводе на другой язык. Так, например, в рассказе В. Борхерта «Hundeblume» стилистически «обыгрывается» контраст отрицательной, сниженной оценочности этого слова («собачий цветок») и тёплого эмоционального отношения узников, которые, гуляя в мощёном тюремном дворе, бережно обходили во время прогулки единственное «живое», светлое существо – жёлтый одуванчик, пробившийся между булыжниками двора и ставший для них их «солнышком», символом той светлой жизни, которая осталась по ту сторону тюремной стены. При переводе на русский язык (*Hundeblume* – *одуванчик*) этот контраст в художественной картине текста утрачивается (однако сохраняется светлое, тёплое отношение, характерное для внутренней формы русской номинации «одуванчик» и для контекстуальных коннотаций немецкого слова). Данный аспект мотивационных отношений и передачи «инолингвокультурного субстрата» (В.В. Кабакчи) идионима исходного языка средствами переводящего языка является предметом специального («интерлингвокультурного») раздела переводоведения.

Таким образом, проблематика мотивированности языковых единиц, восходящая своими корнями к периоду античности, по-прежнему относится к фундаментальным проблемам теории языка.

2.2. Полиноминативность на основе многопризнаковости объекта номинации

В современной лингвистической науке возрастает интерес к изучению проблемы соотношения языка, мышления и действительности, роли и места языка в человеческом познании, общего и национально-специфического в различных языках, оживились исследования в теории номинации, одной из

задачей которой является выявление и изучение закономерностей воплощения явлений действительности в значениях языковых форм категорий мышления, установление степени влияния мышления и практической деятельности человека на становление и принятие обществом языковых знаков, на их семантическую структуризацию и правила функционирования.

В широком смысле, номинация (от лат. «nominatio» - название, наименование) представляет собой обозначение посредством соответствующей характеризующей языковой единицы (детерминирующей лексемы) какого-либо объекта или явления именно в закономерном ряду определённой системы и категории; например, в естественнонаучной нормативной традиции номинации являются и образующими и производными систем — номенклатур.[
<http://dictionary.sensagent.com/%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/ru-ru/>]

В ходе номинации как процесса происходит закрепление за языковыми знаками определенных понятий, отражающих определенные признаки и отношения предметов и процессов окружающей действительности. Однако вербализация предметов объективной реальности может осуществляться посредством нескольких языковых знаков, на основе означивания различных мотивационных признаков, поскольку любой объект (в том числе и растение) обладает целым набором качеств и свойств, обозначение которых может лечь в основу новой номинации (терминологической или нетерминологической). Предмет может быть обозначен как через класс (при помощи указания родового признака, закрепляя его наиболее общее абстрактное свойство), так и по одному из свойств самого данного предмета, Следует учитывать, что в разных языках основы для именованя могут значительно отличаться. Это связано с национальными и культурными особенностями национальной языковой картины мира того или иного этноса, с его мировоззрением. В некоторых случаях для наименования используются

не один, а два и более признака. При этом на сам процесс выбора признаков оказывает влияние оценочное суждение человека относительно данного предмета или явления. И, как результат, полученное слово приобретает определенное место в лексической системе языка, свою особую стилистическую окраску.

1) Полионимы. В различных источниках трактовка данного понятия имеет некоторые различия. Например, в словаре ботанических терминов полионим определяют как название, значение которого постоянно остается неясным. Словарь иностранных слов русского языка определяет данное понятие через признак «многоименности» (от греч. «εὐώνυμο»). Таким образом, полионимия основана на множественности имён (обозначений) для одного и того же объекта (в нашем случае - некоторого конкретного растения). Приведем несколько подобных примеров из немецкого языка:

- *Melisse, Zitronenmelisse, Bienenkraut, Honigblatt, Wanzenkraut, Mutterkraut* – рус. мелисса.
- *Meisterwurz, Kaiserwurz, Ostruz, Anstrenze* – рус. горичник настурциевый
- *Fichte, Rotfichte, Rottanne, Gräne, Feichten, Schwarztanne* – рус. ель обыкновенная.
- *Blutwurz, Wald-Fingerkraut, Tormentill, Birkwurz, Rotwurz, Dilledapp, Durmentill, Natter(n)wurz* – рус. лапчатка прямостоячая, калган.

2) Олигонимы – слова-диффузы, обозначающие многочисленные виды растений на основании некоторого общего признака, являющегося ядерным (мотивационным, терминологическим) для имени лишь одного растения и периферийным (нетерминологическим) для других (а иногда – и для всех номинаций данной лексико-семантической группы). Данный тип номинаций характерен для «народного» языка. Например:

- *Dreiblatt* - народное название клевера, а также донника и вахты трехлистной.

- *Gänsekraut* – данное название объединяет такие растения, как полынь обыкновенная (чернобыльник), резуха, лапчатка гусиная, нивяник обыкновенный (поповник).
- *Milchblume* – нетерминологическое обозначение любого растения, источающего млечный сок, сюда могут относиться молочай лозный, одуванчик, козлобородник, чистотел и др.
- *Studentenblume* – данное наименование носят бархатцы, нарцисс поэтический, календула лекарственная (ноготки лекарственные).

3) Гетеронимы – слова, обозначающие одно и то же растение на основании разных мотивационных признаков и относящиеся к разным стилевым пластам лексики; сюда относятся научные, диалектные, литературные и обиходно-разговорные (народные) номинации:

- Хвощ полевой – науч. Acker-Schachtelhalm (лат. Equisetum arvense), нар. Katzenwedel, диал. Fegkraut, Gänsekraut (Лейпциг), Papenpint und Papenpitt (Восточная Фризия), kleiner Schafthalm, Schauergras, Scheuergras, Scheuerkraut, Unger (Мюнстерланд), Duwacken (Средний Везер), Wild (Нижний Везер).
- Сердечник луговой – науч. Wiesen-Schaumkraut (Cardamine pratensis), нар. Kuckucksspeichel, Kuckucksblume, Hexenspucke, диал. Bachkresse, süße Brunnenkresse (Австрия), Feldkresse, Fleischblume, Geltenblume, Mattenkressich, Schisgelte, Ziegerle (Швейцария), Hanotterblom, Heinotterblom (Альтмарк), Kiewitsblome (Ольденбург, Восточная Фризия, Вильстермарш), Maiblome, Pfingstblumen (Ольденбург), Milchblümle (Мемминген), Pingsterblömen, Störkeblöme (Восточная Фризия), Spreenblome (Вильдесхаузен), Wiesenkresse (Силезия).

2.3. Проблемы перевода номинаций тематической группы «фитонимы» с учётом их лингвокультурной специфики

Перевод как объект исследования представляет собой довольно сложную интерпретационную деятельность, особенно в случае перевода номинаций с ярко выраженной национально-культурной спецификой.

Антропоцентрическое направление в лингвистике, рассматривающее язык во взаимосвязи с сознанием, диктует необходимость решения вопросов переводческой практики с учётом взаимодействия языка, мышления и личности переводчика (его знаний инолингвокультуры и национальной специфики языковых картин мира носителей исходного и переводящего языка (далее: ИЯ, ПЯ): переводчик должен не только знать денотативное значение номинации ИЯ, но и понимать внутренние семантические структуры (мотивационные признаки, внутреннюю форму), заключённые в её определённой словообразовательной структуре, иметь представление о национальной специфике языковых картин мира носителей ИЯ и ПЯ, иметь широкие энциклопедические знания о чертах общности и различий сопоставляемых этнокультур.

В 1980-х гг. с позиций лингвокультурологии начинается исследование отношений симметрии/асимметрии культурем, заданное в работах В.Г.Гака на материале французской и русской лингвокультур. Это направление нашло продолжение в работах по переводоведению, посвящённых проблеме межкультурной асимметрии и способам её преодоления в практике перевода. Проблема теоретического осмысления фактора симметрии / асимметрии лингвокультурем в сопоставляемых языках является актуальной и значимой также и для теории и практики межкультурной коммуникации, для выявления сходств и расхождений единиц ИЯ и ПЯ в объёме, содержании и способах выражения в них культурно-значимой информации [Бидагаева, 2015: 40 - 41]. Понятие лингвокультуремы широко используется в лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации и нередко – в теории перевода (как аналог термина «культурный концепт»). В таких единицах обозначающим является языковой знак, обозначаемым – реалия (денотат, референт). В случае *симметрии* имеет место совпадение значений,

способов именования (мотивационного признака) и/или функции языковых единиц ИЯ и ПЯ; в таком случае факты этнокультуры не представляют трудностей в восприятии, интерпретации и переводе языковых единиц ИЯ. *Асимметрия* имеет место при несходстве реалий единиц ИЯ и ПЯ либо различия в их наименованиях (мотивационных признаках, культурных коннотациях, эмоционально-оценочных характеристиках) [Там же: 41]. Но и в случае наличия так называемых словарных эквивалентов при более строгом подходе можно выявить случаи расхождения в определённых частностях, обусловленных культурологическими коннотациями. [Там же: 42]. В случае эквивалентности денотативных значений «словарных эквивалентов» нередко наблюдается асимметрия (несовпадение) культурных смыслов, мотивационных значений, эмоционально-оценочных характеристик. Подобное отношение единиц ИЯ и ПЯ - довольно частое явление при передаче номинаций-фитонимов с одного языка на другой.

При переводе номинаций-фитонимов возможны следующие приёмы и отношения симметрии/асимметрии:

1. Передача посредством словарного эквивалента:

а) с сохранением общности обозначаемого денотата(реалии), мотивационного признака, коннотативных значений:

- *Apfelbaum* – рус. яблоня

- *Nelke* – гвоздика. (Что примечательно, и в немецком, и в русском языке данное название используется как для цветка из семейства Гвоздичные, так и для пряности, изготавливаемой из высушенных нераскрывшихся бутонов/цветочных почек тропического гвоздичного дерева из рода Сизигиум).

- *Dahlie* – рус. георгина. (В немецком языке цветок носит название от латинского(*dahlia*) — цветок получил свое название в честь шведского ботаника Андерса Даля. Русское название «георгина» дано цветку в 1803 г. ботаником Карлом Вильденовом в честь петербургского академика —

ботаника, географа и этнографа Иоганна Георги.
 [<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D0%B0>] – прим.перев.)

б) с сохранением денотативного значения, но с различиями мотивационного признака

- *Immergrün* – рус. барвинок. (Небольшие цветущие полукустарники с прямостоячими цветущими побегами. [<http://www.glav-dacha.ru/top-30-neprikhotlivykh-mnogoletnikov-dlya-dachi/>])

в) с сохранением денотативного значения и мотивационного признака, но с различиями культурных коннотаций.

2. Передача посредством аналога (олигонима, гетеронима)

К олигонимам можно отнести:

- *Gänsekraut* – данное название объединяет такие растения, как полынь обыкновенная (чернобыльник), резуха, лапчатка гусиная, нивяник обыкновенный (поповник).

- *Milchblume* – нетерминологическое обозначение любого растения, источающего млечный сок, сюда могут относиться молочай лозный, одуванчик, козлобородник, чистотел и др.

К гетеронимам относится:

- Тмин обыкновенный – науч. *Echter Kümmel* (*Carum carvi*), диал. *Wiesen-Kümmel*, *Gemeiner Kümmel*, нар. *Kümmel*

3. Транскрипция (иногда с примечанием переводчика):

- *Rhododendron* – рус. Рододендрон

4. Транслитерация

- *Rose* – рус. Роза.

- *Begonie* – рус. бегония.

- *Hyacinth* – рус. Гиацинт

- *Buddlea* – рус. Буддлея (Буддлея). Кустарник, произрастающий в основном в тропиках и субтропиках восточной Азии, Америки и Южной Африки, чьи соцветия сильно напоминают цветы сирени.

- *Araucaria (Araukarien)* – рус. араукария. Высокое хвойное дерево, распространенное в Австралии и на островах Новая Гвинея, Новая Каледония и Норфолк.

- *Rudbeckia* – рус. рудбекия. Травянистое однолетнее, двулетнее либо многолетнее растение из семейства Астровых.

5. Калькирование (представляет собой воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка. Калькирование как переводческий прием служит основой для большого числа заимствований при межкультурной коммуникации в тех случаях, когда транслитерация или транскрипция были почему-либо неприемлемы из эстетических, смысловых или иных соображений).

- *Vergissmeinnicht* – рус. незабудка. (Раньше этот цветок называли «незабудочка», «не забудь меня». В польском языке у цветка довольно забавное название – «незапоминайка». В английском «forget-me-not», во французском «ne-m'oubliez-pas», в шведском «forgatmigej». А вот латинское родовое название цветка переводится как «мышье ухо», поскольку лепестки незабудок своей формой похожи на ушки мышей. [<https://zooclub.ru/faq/show.php?id=4386>] – прим.перев.)

6. Передача ксенонимом (заимствованием из третьего языка)

- *Küstenmammutbaum (Sequoia)* – рус. секвойя (Древесное растение семейства Кипарисовые. Родовое название было предложено австрийским ботаником Штефаном Эндлихером в 1847 году для дерева, ранее известного

под названием *Taxodium sempervivens* D.Don, однако Эндлихер не указал его происхождения. В 1854 году Эйса Грей, признававший необходимость выделения рода, писал о новом названии, как о «бессмысленном и неблагозвучном». В 1858 году Джордж Гордон опубликовал этимологию родовых названий ряда родов хвойных растений, предложенных Эндлихером, однако объяснения названию «*Sequoia*» не нашёл. В 1868 году геолог штата Калифорния Джозайя Дуайт Уитни в путеводителе по Йосемити *The Yosemite Book* указал, что растение было названо в честь Секвойи (Джорджа Гесса) (*Sequoiah*, ок. 1770 — ок. 1843) — вождя индейского племени чероки, изобретателя слоговой азбуки чероки [<http://blog-travushka.ru/%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80/sekvojya-vechnozelenaya>] – прим. перев.)

7. Семантические дублиеты (транскрипция/транслитерация либо замена на эквивалент из «народной номенклатуры» (во втором случае = общность денотативного значения + различия мотивационного признака, коннотаций)

- *Ranunkel* – рус. а) Ранункулюс (Транслитерация),

б) «лютик» («народная номенклатура»).

- *Taglilie* – рус. а) красоднев, (его отличает общность денотативного значения и различие мотивационного признака)

б) лилейник (в большей степени употребимо в русском языке данное название)

- *Krokus* – рус. а) крокус (транслитерация)

б) шафран («народная номенклатура»)

Primel – рус. а) примула

б) первоцвет (Название происходит от латинского слова *prímus* («первый»)) и объясняется тем, что многие виды первоцвета цветут ранней весной, одними из первых, иногда ещё до того, как полностью сойдёт снег. В большинстве своем — красивоцветущие невысокие травы-Прим.перев.).

ВЫВОД ПО ГЛАВЕ 2

Словом «фитоним» обозначают названия растений. На данный момент не существует однозначного определения лингвистического статуса названий растений, поскольку некоторые исследователи относят их к терминам (Меркулова 1961, 1965; Боброва 1976; Борисова 1989; Итунина 1999), другие - к номенклатуре (Закаревская 1970; Иванов 1985), а третьи, определяя их как номенклатуру, выделяют ряд терминологических свойств фитонимов, а именно: четкую соотнесенность с денотатом, точность лексического значения, наличие обобщающего (родового) слова в предметной подгруппе.

Следует отметить, что большинство номинаций фитонимов имели определенные основания, мотив, для получения того или иного наименования. Ряд мотивационных признаков фитонимов отражает отношение социума или его социально-ролевых групп к тому или иному виду растения, с которым человек встречается в процессе своей предметной деятельности. Существует ряд мотивационных признаков, послуживших основанием для создания номинаций-фитонимов. К ним относятся:

- форма листа;
- форма стебля и побегов;
- характер цветка и соцветий;
- внешний вид плода (семени);
- форма и структура корня;
- вызываемые ассоциации;
- одористический признак;
- темпоральный признак;
- локальный признак;
- функциональный признак;
- характер почвы;
- легенды и мифы, лежащие в основе номинации.

Проблема теоретического осмысления фактора симметрии/асимметрии лингвокультурем в сопоставляемых языках является актуальной и значимой также и для теории и практики межкультурной коммуникации, для выявления сходств и расхождений единиц ИЯ и ПЯ в объёме, содержании и способах выражения в них культурно-значимой информации. В случае симметрии имеет место совпадение значений, способов именованности (мотивационного признака) и/или функции языковых единиц ИЯ и ПЯ. Асимметрия имеет место при несхождении реалий единиц ИЯ и ПЯ либо различия в их наименованиях (мотивационных признаках, культурных коннотациях, эмоционально-оценочных характеристиках).

В случае эквивалентности денотативных значений «словарных» эквивалентов» нередко наблюдается асимметрия (несовпадение) культурных смыслов, мотивационных значений, эмоционально-оценочных характеристик. Подобное отношение единиц ИЯ и ПЯ - довольно частое явление при передаче номинаций-фитонимов с одного языка на другой.

Для многих фитонимов характерно наличие переводческих эквивалентов, обладающих в сопоставляемых лингвокультурах общностью денотативного значения, но основанных на различных мотивационных признаках (и соответственно, различающихся своими внутренними формами), что в определённой степени иллюстрирует мысль В. фон Гумбольдта о том, что понимание есть вместе с тем и непонимание.

В некоторых случаях для наименования используются не один, а два и более признака. Это может быть связано с рядом, в том числе этнокультурных, причин. При этом на сам процесс выбора признаков оказывает влияние оценочное суждение человека относительно данного предмета или явления. В результате, полученное слово приобретает определенное место в лексической системе языка, свою стилистическую окраску. Данные особенности могут быть выделены через полионимию (явление, обладающая рядом номинаций), олигонимию (номинация,

обладающая несколькими значениями) или гетеронимию (номинация, относящаяся к разным стилевым пластам лексики).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фитонимы представляют значительную часть языковой системы немецкого языка. Они указывают на целый класс растений, которые обладают определенными характеристиками. Чтобы понять, какие примечательные особенности растения послужили причиной возникновения номинации для тех или иных видов растений, мы рассмотрели вопрос о мотивации и мотивационных признаках.

Вопрос о проблеме мотивированности / немотивированности языкового знака поднимался еще в эпоху античности («теория фюсей» и «теория тесей»). Исследователи античных теорий именования отмечали, что в ряде культурных традиций теория именования была та же как по своему назначению, так и по своим результатам. Однако в период средневековья эта теория в разных ареалах диаметрально противоположна. Место языка в мифологической картине мира определялось не наличием тех или иных повествований о языке, а той ролью, которая приписывается языку в системе мышления, создававшей мифы.

Весьма ценным явился вклад в развитие теории мотивации Вильгельма фон Гумбольдта, рассматривавшего в рамках теории номинации проблему внутренней формы языкового знака. Он говорил о том, что внутренняя форма – это осмысление слова речетворческим актом в конкретный момент его изобретения.

Продолжил и развил идею Гумбольдта А.А. Потебня. В лингвистике на данный момент нет единого мнения на проблему взаимоотношений внутренней формы и этимологии лексических единиц, поскольку некоторые исследователи сводят внутреннюю форму к мотивационному признаку, т.е. к первичному, этимологическому значению слова, другие же склонны разграничивать мотивационный признак как этимологическое значение слова и внутреннюю форму как весь комплекс представлений, оценок и эмоций,

который формируется в течение нескольких веков и отражает национальную специфику мировосприятия картины мира тем или иным этносом.

В 70-е гг. XX в. было дано первое систематизированное представление мотивологии как науки об одном из ранее не изучавшихся лексических явлений - явлении мотивации слов в докторской диссертации О.И. Блиновой «Проблемы диалектной лексикологии».

До возникновения мотивологии в различных областях лингвистического знания существовали разрозненно такие научные понятия, как «внутренняя форма слова», «народная этимология», «деэтимологизация», «мотивированный/немотивированный знак и многие другие. Научные понятия, явления, процессы, изучавшиеся в рамках различных лингвистических дисциплин - общего языкознания, этимологии, ономазиологии, семасиологии, синхронного словообразования, стилистики художественной речи, - были осмыслены О.И. Блиновой с позиций мотивологии и приведены в систему.

Объект исследования мотивологии - лексика языка. Предмет исследования - лексико-семантическое явление мотивации слов, сущность которого составляют мотивационные отношения лексических единиц, охватывающие мотивированные и немотивированные слова языка.

Следует отметить, что состав тематической группы фитонимов нередко обнаруживает значительные черты национальной специфичности в сравнении с тематической группой русского языка. Система мотивационных признаков фитонимов отражает отношение социума или его социально-ролевых групп к тому или иному виду растения, с которым человек встречается в процессе своей предметной деятельности.

Рассмотрев ряд номинаций фитонимов немецкого языка, мы можем заключить, что, по сравнению с русским языком, многие из приведенных примеров обладают особыми мотивационными признаками, отличными от других языков мотивами номинации тех или иных растений, что, в первую

очередь, связано с особенностями восприятия картины мира представителей говорящих на немецком языке народов.

В ходе проведения исследования по данной теме были решены следующие задачи:

- ознакомление с историей исследования мотивационных процессов, начиная с периодов античности и средневековья;

- ознакомление с теоретическими основаниями, терминологией (ключевыми понятиями) и методами исследования мотивологии (теории мотивации в концепции О.И. Блиновой).

- сбор эмпирического материала на основании словарей ботанических терминов и словарей «народной» и «профессиональной» номенклатуры;

- выявление основных мотивационных отношений в плане выявления семантических, структурных и смешанных (структурно-семантических) мотиваций лексем тематической группы «Фитонимы».

Данное исследование является весьма актуальным, поскольку затрагивает вопросы ряда лингвистических дисциплин, однозначного ответа на которые исследователи еще не нашли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Алешина Е. К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 2. С. 34-37. - ISSN 1818-7919.

Березин Ф.М. История лингвистических учений. - М., 1984 – 304 с.

Блаженный Августин. Творения (том первый) Об истинной религии. / СПб: Издательство "Алетейя" и К.: УЦИММ-Пресс. 1998 – 742 с.

Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. 3-е изд., испр. и доп. М., 2010 - 304 с.

Блинова О. И. Номинация и мотивация // Диалектное слово в лексико-системном аспекте, 1989. с.65-74

Блинова О.И. Русская мотивология: Учеб.-метод. пособие. 3-е изд. Томск, 2005. – 394 с.

Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров: Диалектная лексика 1971. Л., 1973. С. 92-104.

Блинова О.И. Множественность мотивации и варьирование внутренней формы слова // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. Барнаул, 1986. С. 22-30.

Блинова О.И. Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. 1. С. 17-24.

Блинова О.И. Структурная мотивация слов // Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983. С. 88-97.

Богословская З.М. О связи вариантности и мотивированности слова: (На материале говоров с. Вершинино Томского р-на Томской обл.) // Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983. С. 97-103.

Будагов Р.А. Человек и его язык. М.: Изд-во Московского ун-та, 1974. - 262 с.

Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю). М., 1937.
ПО. Васильев ЛМ. Теория семантических полей // Вопросы языкознания 1971. №5.

Варина В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976. с. 233-244

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.

Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: общие вопросы. – М., 1977. – 356 с.

Галицына Е. Г. Особенности изучения лексической группы фитонимов (на материале фитонимов древнеанглийского языка) // Молодой ученый. — 2015. — №10.5. — С. 36-37.

Гинатулин М.М. К исследованию мотивации лексических единиц: На материале наименований птиц: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973. -

Голев Н.Д. Мотивация и словообразование // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. Барнаул, 1986. С. 30-46.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989. 252 с.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. 214 с.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.:Прогресс, 1984 – 400 с.

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.

Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. История лингвистических учений / Отв. ред. А.В.Десницкая, С.Д.Кацнельсон. - Л.: Наука, 1980. - 260 с.

Ермакова О. П. Земская Е. А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Известия АН СССР серия литературы и языка. - Т. 44, №6, 1985 – С. 518-525.

Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Учпедгиз, 1960. Ч. 1. - 406 с.

Козлова И.Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке: Автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. - Томск, 1999. - 21 с.

Комина Е.В. Мотивация как лингвистическое явление // Семантика и структура слова. Сб. науч. тр. Калинин: КГУ, 1984. — С. 59-64.

Комиссаров В.Н. Пособие по переводу с английского языка на русский. М.,1990 - 253 с.

Кузнецов В.Г. Типы мотивированности в языке //Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: ИЯ РАН, ТГУ им. Г.Р.Державина, 2016. - № 4.- С. 135 – 141.

Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. - М., 1962. – 320 с.

Лосский В.Н. Боговидение. М.: АСТ, 2006. - 759 с

ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Моисеев А.И. Мотивированность слов (мотивированность сложных имен существительных со значением лица в русском языке) // Исследования по грамматике русского языка. - Л.: Ленингр. ун-т, 1963. - с.121-136.

Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / ред. О.И. Блинова. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982 – 268 с.

Ольшанский И.Г., Гусева А.Е. Лексикология: Современный немецкий язык. – М.: Иностранные языки, 2005. – 416 с.

Подольяка А.Н. Отражение концептуальных знаний во внутренней форме наименований // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: ИЯ РАН, ТГУ им. Г.Р.Державина, 2013. - № 2. – С.101 – 108.

Потебня А.А. Мысль и язык. - М.: Лабиринт, 1999 – 300 с.

Рябко О.П. Когнитивное основания теории номинации и мотивации // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 10-18.

Савенко А. С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: фитонимы / под ред. О. И. Блиновой. М., 2012 - 192 с.

Сусов И. П. История языкознания. М.: Восток - Запад, 2006. 295 с.

Филатова А.С. Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 Томск, 2004 295 с. РГБ ОД, 61:04-10/1142.

Фурашова Н.В. О роли внутренней формы слова в дальнейшем развитии его значений // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: ИЯ РАН, ТГУ им. Г.Р.Державина, 2010. - № 1. – С. 116 – 123.

Wurzer, Walter. Die große Enzyklopädie der Heilpflanzen. Ihre Anwendung und Ihre natürliche Heilkraft. Kaiser, Klagenfurt 1994, ISBN 3-7043-9002-X.

Список источников Интернет

[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://botsad.ru/menu/mir-rastanii/lekarstvennyye-rasteniya/skazaniya-o-lekarstvennyh-rasteniyah/goricvet-vesennij-adonis-adonis-vernalis/>

[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/geteronominativnost-v-semanticheskom-pole-nominatsiy-fitonimov>

[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://color-harmony.livejournal.com/125665.html>

[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dictionary.sensagent.com/%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/ru-ru/>

[Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.eda-land.ru/travy/oduvanchik/#h2_22795

[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fb.ru/article/135484/plaunbulavovidnyiy-jiznennyiy-tsikl-stroenie-i-razmnojenie>

[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/%D0%B1/%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%81>

[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/90/18098/>

[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://mylektsii.ru/3-47553.html>

[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nashzeleniymir.ru/%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%8B%D1%88#landysh-opisanie-vneshnij-vid-stroenie-harakteristika>

[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/1810641/page:23/>

[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BA>